
ПОСЛЕДНИЙ
ВОПРОС
ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ
КИТ БРОЗАН

Ты был здесь раньше
Не в этой комнате
Но где?

?

I	О том, как мы изобрели самих себя	1
II	О вязкости	6
III	О двух видах трения	10
IV	Об одиночестве, которое невозможно исцелить	15
V	О пустой квартире, которая не пуста	21
VI	О теле, которое помнит частоту	24
VII	О времени, которого нет	28
VIII	О смертельном акте	31
IX	О доме без адреса	36
X	О жизни, которая больше не является жизнью	40
XI	О дырке в ткани	47

Вместо предисловия

Вы можете спросить: что именно эта книга откроет вам об одиночестве и каким образом это произойдёт? Оставим философию в стороне и поговорим напрямую шаг за шагом, так, как сама книга постепенно раскрывается перед читателем.

Сначала вам кажется, что одиночество – это просто отсутствие других людей. Пустая квартира, некому написать, некому обнять вас. Решение выглядит очевидным: найти кого-то, начать отношения, быть среди людей. Но книга предлагает посмотреть глубже. Вы вспоминаете, что бывали в отношениях и всё равно чувствовали себя одинокими, стояли среди толпы и ощущали ту же пустоту. Постепенно становится ясно: одиночество не зависит от присутствия или отсутствия других. Оно не исчезает, когда рядом появляются люди. Оно лишь маскируется, откладывается на потом, но остаётся.

Затем вы переходите к следующему предположению: что одиночество – это чувство. Вы говорите: «Я чувствую одиночество», так же как говорите: «Я чувствую грусть» или «Я чувствую боль». И потому пытаетесь его прожить, исцелить, растворить в любви, развлечениях или духовных практиках. Но книга раскрывает нечто более тревожное: одиночество – это не чувство.

Вместо предисловия

Чувства приходят и уходят, а оно остаётся. Даже в моменты радости, любви или экстаза на заднем плане присутствует что-то ещё – едва уловимая дистанция, тонкий слой стекла между вами и миром. Вы начинаете понимать, что одиночество – это не то, что вы чувствуете, а то, откуда вы чувствуете. Это сама позиция наблюдения.

По мере того как это понимание углубляется, начинает проступать структура. Книга вводит такие понятия, как горизонтальная плоскость, вязкость, трение, и вы начинаете замечать закономерности. Все ваши попытки «сбежать» от одиночества оказываются движением по одной и той же плоскости. Вы меняете отношения, работу, города, психотерапевтов, духовные пути, но по сути ничего не меняется. Вы движетесь, но остаётесь на месте. Ходите по кругу и называете это прогрессом. Постепенно приходит осознание: вы застряли не в каком-то месте, а в самом способе существования. Одиночество не место, но сама структура бытия.

Затем наступает самый трудный момент. Книга подводит вас к пониманию того, что само «я», страдающее от одиночества, является частью этой структуры. Не существует отдельного субъекта, который переживает одиночество как нечто внешнее по отношению к себе.

Вместо предисловия

Одиночество не то, что происходит с вами. Ведь вы им уже являетесь. И здесь что-то ломается. Если нет отдельного «я», то нет и того, кто страдает. Страдание остаётся, но исчезает его владелец. Растворяется не сам опыт, а идентичность, которая присваивала его себе.

С этого момента происходит необратимый сдвиг. Вы возвращаетесь в мир, но уже не таким, каким были раньше. Вы начинаете видеть формы как формы, людей как проявления одной и той же структуры, одинаково укоренённые в ней. Поиск спасения теряет свою прежнюю остроту. Но вместе с этим исчезает и ощущение трагедии потому что больше нет центрального персонажа, с которым эта трагедия могла бы происходить. Остаётся своего рода игра. Не потому, что найден смысл, а потому, что когда растворяются все проекты и все попытки что-то окончательно разрешить, остаётся только игра.

И тогда раскрывается «последний вопрос» – не как вопрос, на который нужно ответить, а как вопрос, который исчерпывает сам себя. Раньше вы спрашивали: почему я одинок? Как мне перестать быть одиноким? Существует ли кто-то, кто сможет меня понять?

Вместо предисловия

После этого путешествия эти вопросы утрачивают свой вес. Не потому, что вы нашли правильный ответ, а потому, что увидели: тот, кто задаёт вопрос, сам является частью структуры, которую пытается исследовать. Когда исчезает отдельное «я», растворяется и сам вопрос. За его пределами больше нечего спрашивать – остаётся лишь наблюдать и играть.

Именно поэтому книга устроена так, как устроена. Она не объясняет – она показывает. Она не сообщает вам знания об одиночестве; она помещает вас внутрь него, словно в лабиринт, где каждая комната отражает узоры вашего собственного сознания. И когда вы проходите через все комнаты, лабиринт исчезает. Остаётся пустота и вы внутри неё.

То, что делает текст, не является ни исцелением, ни утешением. Здесь нет обещаний и нет успокоения. Есть только зеркало, которое удерживают перед вами достаточно долго, чтобы вы увидели: то, что вы принимали за себя, было лишь отражением. И когда отражение исчезает, остаётся свет.

Так что же в конечном итоге вы узнаёте об одиночестве?

Вместо предисловия

Что это не ваша болезнь, а ваша природа.

И когда это понимание становится не просто интеллектуальным выводом, а прожитой реальностью, вопросы отпадают сами собой. Шум затихает. И в этой тишине вы неожиданно осознаёте: шум никогда не был чем-то отдельным от вас.

Он и был вами всё это время.

Кит Брозан

I

О том, как мы изобрели самих себя

I

Снова ты был заброшен в историю.
Всему, что не успел познать, дали имя.
Тот, на кого ты смотришь каждый день,
Был придуман в мире раньше,
Чем ты сказал первое «нет».

Автор ли ты своего «да»?
Или ты просто текст,
Который читает сам себя?

Познакомься же с первым неизлечимым
разочарованием:
Твоя привычка называть что-то реальностью –
Лишь скорость, с которой ты забываешь,
Что всё происходит уже после.
Твоё «сейчас» – воспоминание о мысли.

О, заложник интерпретации!
Беги же скорей от собственной неуспеваемости!
На это у тебя есть горизонтальное блуждание.
Начни с худшего!
С точки, в которой всё повторяется.
Застревание в дежавю, но ты даже не видишь:
Время сжалось, и ты в блошиной банке,
Откуда некуда бежать – только прыгать.

I

Примерь другую форму – начни накапливать.
Ко всему добавляй: больше, больше, больше.
«Я же собираю себя, посмотрите!»
Или разбавляешь?
Ты стал музеем своих возможностей,
Толстым томом, который никто не читает.

Сходи и дальше – в автоматическое.
Ешь, но не чувствуй; говори, но не слушай;
Люби, но не помни – кого.
На чём ты экономишь?
На том, чего никогда не будет существовать.

Потом ты пойдёшь дальше.
Начнёшь видеть паттерны, строить системы,
Понимать, как что-то понимается.
Ещё одна комната в том же доме.

Потом ты обязательно найдёшь уют.
Блаженство регулярности.
Заморозка, замаскированная под покой.

Есть ещё одна комната.
Ты достаточно видишь, чтобы выбирать,
Но недостаточно, чтобы удержать выбор.
Пляшешь на краю, возвращаешься и снова пляшешь.

I

Но присмотрись к ней!
Ухватись за шанс прорывного одиночества.
Рассмотри трещину в стене, сквозь которую видно,
что она декорация.
И себя в ней же!
Не – «я один», о Боже, –
Но одиночество: не состояние, а структура.
Ты не внутри картины – ты прямо перед ней.

Но и это «перед» – позиция,
Опять невозможность быть там, где ты хочешь быть.
Держи не как герой и не ради результата.
Держи ясность, когда захочешь выйти из комнаты.

Вот же где ненужное страдание.
Переверни его.
Не страдание как боль непроизвольного,
Но страдание как напряжённость!
Точка, где «реальность» становится взаимосвязанной.

I

Ты понял: процесс не остановить –
Осознавание осознавания.
Великий ужас, на который ты обречён.
Любая попытка всё тот же процесс.

Исходы твои предопределены:
Вернуться в проклятую горизонталь.
Бояться, отступать, кружить по спирали,
Копить, понимать и уютиться.
«Я же прошёл» – ты кричишь в пустоту,
Но всего лишь поменял имя проекта.

Подлинность – в растворении всякого проекта.
Ты – процесс, а не вещь.
Твоё «я» – глагол, а не существительное.

Куда ты себя привёл?
В место, где заканчивается всякий спор.
Где даже «мне холодно» всего лишь слова,
А слово «одиночество» такое же ничто,
Над которым ты теперь потешаешься.

I

От ужаса осознания не сбежать,
Знание же станет игрой в творчество.
Ты смотришь на других – не сочувствуешь им,
Но видишь: всякое живое существо –
Такой же процесс и заброшенность,
Напряжение, ироничная связность.

И вот ты снова вначале.
Снова заброшен в историю...
Одиноким ты себя чувствуешь,
Но теперь ты дома.

Не тот, кто понял, и не тот, кто...
Твои поступки – без алиби.
Абсолютная свобода для ничего,
Где ты – путь, но не путник.

II

О вязкости

II

Вспомни теперь ту подлую усталость,
Когда для неё нет причин,
Но на твоей спине забитый походный мешок.
Усталость фон и воздух, которым ты дышишь.
Прячется сзади и рисует твой день.
Ты хочешь скинуть её, но не дотягиваешься.
Гребёшь по вязкому снегу
И кричишь, но не слышишь эхо.
Точно ли ты кричал? Точно ли ты идёшь?

Теперь ты это называешь – кризис.
Или: «Я в тупике. О, Боже, мне нужно что-то менять!»
Иллюзия названия проблемы и её понимания.
Понял – значит решил, и вот ты снова бежишь –
В психологию, отношения и хобби.
«Я стану новым собой в этом новом месте!»

В содержании ли эта вязкость, оператор?
А может, всё-таки в структуре?!
Ты меняешь водоемы, но плывёшь по-прежнему.
Смотри: ты всё носишь с собой.
Не как мешок, но как "Я вижу и не отворачиваюсь"!
Этого все еще мало, чтобы перестать бороться,
Но достаточно, чтобы не забыть: что-то не так.

II

Вязкость –
Блуждание, которое думает, что движется.
Ты делаешь шаг, и он кажется прогрессом.
Но твое положение в пространстве себя не меняется.
Ты видишь, но это ничего не меняет.
Каждый момент похож на предыдущий.

Разные шаги с тем же результатом.
Ты всё копишь,
Но ничто не оставляет следа.

Автоматически ешь, спишь, бежишь.
И вязкость перестаёт ощущаться.
Ты перестал ощущать вообще.

Что-то шевелится, что-то строится –
Всё в той же горизонтали.
Перемещение внутри плоскости,
Которая сама по себе никуда не ведет.

II

Страх толкает, но ты пассивен.
Ты не боишься прыгать, но прыжок не наступает.
Не «сопротивляюсь изменениям»,
А «изменения не происходят».
Вязкость – это отсутствие сопротивления,
Которое хуже сопротивления.
Сопротивляясь, была бы точка опоры,
Но ты паришь.
Тонешь в том, что не имеет глубины.

Процесс идёт, но ты не замечаешь, что идёшь.
Просыпайся и засыпай, засыпай и просыпайся.
А между только шум.
Не живёшь и не умираешь..
Что же ты не уходишь?
Наверное, ты не видишь направления.
Но уход тоже блуждание по горизонтали,
И вязкость в ней навечно.

Ты не застрял «где-то».
Ты застрял «как».
Где твое внимание?
Все еще споришь с происходящим и прорыва не происходит,

II

Но и до полного забвения еще не довел
Промежуточное состояние – самое болезненное.
И выхода нет.
Это было бы способом уйти от вязкости,
Но она не проблема, а всё та же структура.
Увидеть, что бежишь по кругу.
А «решение» часть круга.
И видение тоже круг,
Если остановилось на «я вижу».

Ты не в вязкости, но ты вязкость.
И она – ты.
Движение по спирали, которая кажется кругом, но нет.
Очень плотная и медленная.

Ты будешь смотреть достаточно долго, это создаст напряжение присутствия –
Для прыжка из всех ситуации,
Которые тобой все еще владеют
Как страх смерти или потеря смысла
И тогда прорыв или нет.

III

О двух видах трения

III

Какую же боль ты выбрал сам?
Зависит ли от тебя потеря близкого?
А когда тело предательски подводит?
Страдание, которое тебя настигло.

Увидь же разницу между падением и висением.
Когда напрягаешься, но не разряжаешься.
Страданием его делает как раз эта невозможность.
Забудь про интенсивность, но вспомни о структуре.
Смысл теряется, планы горят
И ты не можешь даже сказать почему.
Это и есть трение: не внешнее, а встроенное в сам факт осознавания.

Бегство от бегства в осознанность или иронию и цинизм.
Движение, но ты стоишь на месте.
Беги быстрее, копай глубже, прыгай выше других блох
И останешься в том же пространстве себя.
Трение не заканчивается.
Ведь ты источник.
Твоя позиция: «Я против мира».
И твоё: «Всё должно быть иначе».
Рассмейся же наконец над этим знанием.

III

Вспомни, как это – страдать произвольно!
И говорить себе: «Вот оно, трение.
Вон она – позиция и изменчивая жизнь.
Вот он – я, который страдает от того, что
страдает».

Лиши себя наконец-то выбора.
Нечего принимать и нечего отпускать.
Только удержание видения.
Ты присутствие в том, что присутствует.
Желание закрыть глаза, но ты смотришь.
Не «надо держаться», но чтобы не бежать!
И бегство видимо как бегство.
И нет места, куда бежать,
Потому что бегущий тоже видим.

Непроизвольное страдание – как носить камень.
Тяжело, но ты выучен привыкать с рождения.
Особенно к аду – он такой предсказуемый.

III

Произвольное – как держать камень над пропастью.
Каждая секунда впервые, новая.
Нет «уже держу», есть только «держу сейчас».

Не грусть о чем-то, но тоска о главном.
О том, что тебя принудили осознавать.

Ты не выбрал держать, но отпустить тоже не выбор.
Ведь отпускающий – снова позиция.

Как распределённая бесконечность страдания в горизонтали.

Страдание растеклось горизонтально
Заняло свое место, чтобы обитать в нем вечно
Так же и способность удерживать -
разбежалась по разным формам и ждет.

А потом ты сказал: «Да, вот же я держу».
Но не держишь ли ты идею о том, что держишь?
Снова форма непроизвольного страдания, новая идентичность.

III

Отличишь ты настоящее удержание
По невыносимой легкости!
И невыносимой тяжести!
Ведь вспомни снова: нет того, кто держит!
Процесс держания как незаметное дыхание.
Так и здесь – заметил и всё равно держишь, не
отворачиваясь и смеясь.

И неважно, что держать –
Боль утраты или ясность бессмысленности.
Удержание – твой новый объект удержания.
Нет другой траектории – она единственная,
Которая ведёт через само держание,
Через точку, где держание и держащий совпали,
Где твоё «я страдаю» совпали, как детали
механизма.

И тогда – событие!
Ты не перестал страдать и не нашёл смысла.
Теперь проект «Я» растворен.
Нет того, кому принадлежит твоё страдание и мир.

III

Ты снова носишь камни, но видишь, что несёшь.
И видишь, что не остановить этот процесс.
Но теперь нет «твоего» и «не твоего».
Начни теперь играть, как дитя, с ними.
Строй дома, зная, что они развалятся.
Ведь ты движение, которое строит.
Без цели, результата и присваивания: «Это моё».
Теперь же ужас того, что ты осознаёшь
и не можешь остановить это - не ломает.
Делает острее и легче.

Если видишь – удерживай.
А если не видишь – блуждай.
Значит, это твое место в пространстве себя.
Но помни разницу.
Между камнем, который несёшь, не замечая,
И камнем, который держишь, видя, что держишь.
Между трением, которое стирает, и трением,
которое точит.
Между сном, который кажется жизнью,
И бодрствованием, которое кажется сном.

IV

Об одиночестве, которое невозможно исцелить

IV

Оглянись вокруг и прислушайся.
Это шум.
Непрерывный, обязательный, не имеющий автора.
Мысли, которые ты не думаешь.
Чувства, которые не различаешь.
Желания, которые не твои и даже не чужие.
Происходящее, которое ты по иронии назвал —
«моё».

Отнесись к шуму как к материалу для работы, а не помехе.
Из него выплавляются формы.
И даже ты, который проснулся утром и уже кто-то.

Почему ты так старательно пытаешься себя лечить?
Знакомишься, чтобы бежать от одиночества,
Вместо того чтобы разобраться раз и навсегда?
Ведь ты знаешь: чем больше шума, тем шире ты растекаешься в страдании.
Вспомни о своей одинокости.
Когда никого нет рядом.
Или когда есть, но нет соприкосновения.
Лечишь первое, усугубляя второе.

IV

В этой комнате так много людей!
Куда смотрят их глаза?
Разве не туда, где безопаснее, чем глаза напротив?

А когда надоест спроси себя: что ты лечишь?
Одиночество никогда не было болезнью.
Но структурой!
Не «Я чувствую себя одиноким»,
Но: «Я позиция, из которой всё воспринимается как на расстоянии».
Нет эмоций, которые можно было бы заменить.
Есть твое усилие смотреть на ужасы происходящего и не бежать.

Когда их мало, ты живёшь внутри формы.
Люди и любовь как будто реальны.
Ты не чувствуешь связи, но связан.
Как окно и комната.
Не замечаешь, потому что не нужно.

Когда усилие растет, ты видишь себя в процессе связи.
И она разрывается.
Видение позиции делает позицию невозможной.
Ты не можешь быть внутри и смотреть изнутри одновременно.

IV

Удержи же свое внимание на происходящем.
Не убирай ничего и не преодолевай.
Просто смотри: вот оно, она и он.
Заставь форму дрожать.
Как слово, повторенное до потери смысла.
Как лицо в зеркале, которое ты больше не узнаёшь.

Познай же ужасы своего одиночества.
Чтобы увидеть их неустранимую структуру присутствия.

Первый: конечность.
Смерть не «будет», а условие.
Она прямо сейчас потенциирует твоё мышление.

Второй: позиция осознания себя наблюдающим.
Ты не внутри и не снаружи.
Ты вообще не позиция, но процесс продолжается.
Ведь ты — это невозможность быть внутри без остатка.

Третий: принудительность осознования.
Процесс не остановить.
Остановка тоже процесс.
Ты не выбирал рождаться и умирать.
И ты не выберешь «сейчас».

IV

Потому что нет «ты», который выбирает.
Насилие бытия, которое не имеет адреса для жалобы.
Помни о ловушках всякого лечения.
Психологи рядом потому, что ты им платишь.
Одиноким ты себя тогда не чувствуешь, но зря.
Разговор о близости с позиции дистанции.
Ритуал разъединения.
Ты завёл отношения.
И страсть поглотила твое внимание.
Но через время ты снова увидишь...
И видение разрушит то, что видит.
Ведь никакая форма не выдерживает прозрачности.

И узнай про двери этого чужого дома.

Первая: обратно в шум, в страдание, которое растеклось по горизонтали.
Дистанция, которая изолирует.
Вторая: прочный кокон, который себя не видит..
«Прими своё одиночество» – ты будешь говорить.
Но разве это не позиция?
Тоже бегство от ужасов одиночества.

IV

Третья: проход не «через», но «в».
Когда шум перестанет им быть.
Ты больше не ищешь связь.
Ведь видишь: это позиция, то же расщепление.
Проект «Я» растворен и нет того, кто одинок.

И однажды ты увидишь другого иначе.
Как такое же внимание и заброшенность в мир форм, которые страдают.
Каждый в ловушке ужаса непрерывности.
Потенциальная встреча двух узлов поля,
Пульсирующих в унисон без «между».
Он страдает, потому что существует.
И ты тоже.
Видимость: ты — я, я — ты.
Различие растворено, когда ты действительно удержал свое внимание

Потом ты вернёшься в горизонталь неизбежно.
Играть в формы, зная, что это игра.
Строить связи, зная, что они просто формы.
Ни для чего, но потому что иначе нельзя.

IV

Твой поступок больше не выбор между.
Он новое положение в пространстве себя.
Когда делаешь, не выдумывая “зачем?”.
Потому что нет позиции,
Из которой «зачем» могло бы быть задано.

Мы не все вместе против одиночества.
Мы все вынуждены осознавать его ужасы.
Без Бога, смысла и гарантий
И в этом нет никакой трагедии.
Для неё требуется герой.
А ты лишь движение без движущегося.
Шум, который слышит себя,

И в этом слышании тишина.
Не отсутствие звука.
А присутствие звука полностью.

V

О пустой квартире, которая не пуста

V

Сколько раз ты просыпался в четырёх стенах?
Прислушиваясь к ним, чтобы узнать, что ты есть.
Думает ли о тебе кто-то сейчас?
Ты касаешься своей кожи – тёплая, но чужая.
Температура человека, которого ты никогда не знал.

Одиночество отсутствия.
Нет других тел в поле твоего.
И звуков, не произведённых тобой.
И глаз, которые могли бы видеть тебя.

Найди людей, беги из дома, одень себя чужого.
Так ты и сделаешь.
Но потом всё продолжится -
Ты снова среди пустых стен.

Присутствие других не заполняет отсутствие.
Маскирует и откладывает.
Создаёт иллюзию – «я не один».

V

И требует поддержания, а после возвращается –
Видимая и неустранимая.

Одиночество отсутствия не проблема отношений.

Пустота – не контейнер, но структура.
Способ, которым ты присутствуешь в мире.
И этот способ не меняется количеством тел вокруг.
В толпе и любви ты чувствуешь это.
Ведь «рядом» – это твоя способность удерживать внимание на происходящем.

Когда усилие слабое, ты не чувствуешь присутствие других.
Больше людей – больше напоминаний о невозможности связи.
Ты и другой – позиции.
Они не касаются, но соседствуют.

Тело помнит твоё напряжение.
Плотность, в которой формы были прозрачны.

V

И однажды ты откроешь для себя пустоту.
И то, что она не пуста.
В твоих четырёх стенах что-то есть.
Не ты и не мысли о ней, не память.
Но присутствие без адреса.

Ты прав, называя это ужасом.
Ведь некому переживать и нет позиции защиты.
«О, как я тебя понимаю», – скажешь ты наконец другому.
Ты вынужден осозновать –
Процесс, который не спрашивал разрешения
И не получил отказ,
Потому что некому было отказывать.

Не ищи же больше людей, оператор.
Удержи напряжение и пройди пустоту.
Воспользуйся произвольным страданием.
И скажи наконец:
Не «страдаю, потому что одинок».
А «одиночество – структура,
И я напряжение в ее пространстве».

VI

О теле, которое помнит частоту

VI

Ты всё ещё помнишь того, кто был с тобой.
Не просто вместе и любил.
Ведь это слова – «после» и «потом».
Попытки назвать то, что не имело названия.
Не я и другой, а два узла поля, пульсирующие в унисон.
Где различение растворено.

А теперь этого у тебя нет.
Поле осталось, но узел растворён.
Или узел есть, но нет резонанса.
Или резонанс продолжается, но в одном.
Эхо без источника.

Ты и есть узел, оператор.
Со своим телом, которое помнит частоту.
И кожей, ожидающей касания.
Слух в поиске голоса, чтобы настроиться.
И дыхания, которое синхронизируется.
И теперь ты снова дышишь в пустоту.

VI

Но вспомни, что одиночеству некуда деваться
Этому неустранимому способу быть
Ты не скучаешь, а по-настоящему увидел невозможность.
Как долго ты будешь терпеть себя в этой позиции?

Чтобы осознать себя как «наблюдающего» –
видение себя снаружи.
Стекло, которое помнит, что было тканью.

Тело помнит твоё усилие внимания.
Плотность, в которой формы были прозрачны,
В которой «я» не было позицией, но полем.
И, просыпаясь, тело ищет эту плотность, но не находит...

Другой не даст тебе больше ту же частоту.
А если даст – застрянешь в ожидании.
Ты в разрыве самой структуры одиночества.
Что ты хочешь опять вернуть?
Ведь нет «я», который мог бы вернуть.
И нечего принимать, не разрушив единения.
И не борясь с ужасами.

VI

Присутствие проблема ужаса наблюдателя.
Нет позиции, из которой проблема могла бы быть задана.
Нет «я», но есть тело, помнящее резонанс.
И эхо, не находящее стены для отражения.
То же одиночество, как и все возможные.
Но структура иная.
Где отсутствие узла делает поле невыносимым для оставшегося.
Ты забыл, что эхо всегда раздается.
Твоё дыхание – частота.
И каждый твой взгляд, бегающий по этим строчкам.

Эхо не ищет источник.
Оно само становится источником.
Поле, которое пульсирует без различения.
Время, когда проект «восстановления связи» растворяется.

VI

Присутствие без адреса.
Не один, но един.
Эхо же найдёт не стену, но открытость.
То, что не называется и не разграничено.

Важно не «как жить дальше».
Важно, где твое усилие смотреть и видеть
Достаточно ли оно, чтобы удержать разрыв с непроизвольным страданием?
Без восстановления и движения «дальше».

Произвольное страдание - сама боль, видящая себя.
Переживёшь ты не исцеление, но узнавание!

VII

О времени, которого нет

VII

Твоё одиночество дышит и пульсирует.
Всякое пространство находится в движении.

О, как ты хочешь всё удержать и присвоить!
«Теперь-то я понял» или «опять всё пропало» –
Тщетные попытки остановить невозможное.

Как же ты хочешь сбежать!
Немедленно и в любую форму.

И вот ты кричишь в слезах: «Я сильный и справлюсь!»
Новая идентичность, построенная на потере.

А может не геройствовать и просто быть в разрыве?
Пусть тело трясётся, пусть слова не находятся.
И пусть план ждёт тебя как будущего, которого нет.
Удерживай внимание на том, что рушится.
Никаких гарантий и возможностей.
Ты проснулся в этой вязкости навсегда.

VII

Ты опять всё видишь, оператор.
Как бежишь недостаточно быстро, чтобы убежать.
И не останавливаешься достаточно, чтобы удержать.

Тебе хочется придумать название и поставить диагноз.
Что-то, за что можно держаться в этом падении.
Для чего тебе эти слова —
«плохо», «застрял», «нужно решить»?
Ведь такова структура одиночества.
Пребывание в "между".

Теперь ты познаешь океан и его волны…
Сегодня рай, а завтра ад.
Откладывание понимания и поиск причины.
А есть ли причина?
Утром ты человек, а днём голодный дух.
Вечером же – прорывное одиночество.
А ночью ты стал животным.
Движение есть, но ничего не меняется.

VII

О, как тебе хочется стабильности и причин!
Твои мечты о «норме» –
Не жизнь, но её иллюзия.

Плыви средь этих комнат страдания, которое
растеклось по горизонтали.
И замечай всё как есть – вот волна.
Тихий фон, на который ты обречён.
И когда что-то не так –
Смейся над всякой причиной.

Увидев, не отворачивайся.
Не игнорируй редкий салют своих прозрений.
Удерживай, не на секунду, но на две.

Ты не в начале пути, но снова путь.
Нет линии от плохого к хорошему.
Волны не «прогресс» по сравнению с фоном.

Есть усилие твоего внимания
Конфигурации, которые сменяют друг друга.
Есть – место в пространстве где ты.

VIII

О смертельном акте

VIII

Ты хоронишь не мёртвого.
Не нужно ему больше ничего.
Все уйдут однажды.
Но где драма?
Кто сюда принёс слово «несправедливо»?
Всё так, как есть.
Жизнь – это её лицо, и она улыбается.
Изменять и изменяться – её роль.
Пока ты спишь или мечтаешь.
Или потешаешься над новой игрушкой сознания –
Духовным просветлением.

Ничего – твой ответ, оператор.
Иначе, если «что-то», то одиноким ты себя чувствуешь.
Благодарен, но не связан.
Любишь сейчас, но не связан.
И горе – не твоё, когда все уйдут.
Так кто принёс сюда слово «горе»?

Представь смерть для себя – что там?
Ты всегда зритель в этой сцене.
Но будешь ли ты смотреть в последний раз?

VIII

Нет там «страшно» и нет там тайны,
Никогда ты её не боялся,
Но неспособность вместить тебя сбивает.
Как мало слов, которые занимают так много.

Но кто уйдет и куда?
Имя, или тело, или история?
Узри разрыв между формой и тем, что её
наполняло.
Целостность своего мира ты выкапываешь,
Чтобы сказать ужасное: «Теперь мне всё понятно».

Часть себя, которая справедливо плачет сейчас.
И она мертва теперь.
Но навсегда ли?
Нить перерезана, но перестала ли она быть нитью?

Ты знаешь, что умрёт всё, что знаешь.
Но живёшь так, будто не знаешь.
Посмотри же на эту структуру!
Жизнь как проект, требующий отсрочки.
А зачем тогда жить?

VIII

Но жить и знать о смерти – разность,
Требующая прорыва!
Вспомни же наконец:
Форма смерти становится настолько плотной,
Что просвечивает сквозь все отсрочки.
Вот перед тобой смерть.

И в этот момент – не страх, он был бы знакомым.
Но тоска - осознавание принудительности.
Вспомни: что ты выбирал сам по-настоящему?
Выбираешь ли ты смерть или своё «сейчас»?
Процесс идёт без тебя, но «ты» – часть процесса.
Ясность, которую тело отказывается удерживать.
Поэтому ты хочешь убежать в любовь и работу,
В накопление и отсрочку не-забытия.

Смерть – единственное, что делает форму ценной.
Не дорогой, но ценной в смысле напряжённости.
Ад бесконечной жизни, в котором и выбор – ничто.
Выбор отсекает альтернативы.
Бесконечность размывает.
Разве не значит ничего, когда возможно всё?

VIII

Закат закончится, и ты рад его провожать.
Как же ты нежно касаешься, ведь кожа остынет.
Голос прервётся навсегда...

Ты уважаешь конечность
Как структурное условие значимости.
Есть ли без неё слово «значит»?

Хочешь ли ты снова начать блуждание?
И отрицать изо всех сил! Она же не про тебя!
Она где-то далеко, для больных и убогих.
Или бояться и готовиться.
Искать смыслы и писать завещания.

Или признай наконец невозможность!

Ведь нет позиции, но узнавание.
Удержи свою боль, всмотрись в другого.
Смерть и ты не разные.
Не «бессмертие души» и не «вечность в сердцах близких».
Но отсутствие позиции, из которой «я» мог бы быть мёртвым или живым.

VIII

Играй в формы, зная, что они конечны.
Процесс не остановить – значит мир будет
наполняться усилием внимания,
И эта твоя свобода
В условиях абсолютной принудительности.

Строить дома, зная, что они сгорят.
Любить, зная, что всё закончится.
Нет «пути», но есть просто движение.
Не «благодарю за жизнь и опыт» – кого и зачем?
Но отсутствие вражды к тому, что происходит.

И к тому, что прекратится.
И даже к тому, что не спрашивало разрешения...

Смерть – граница, которая делает игру возможной.
Без неё - не бесконечная жизнь,
А бесконечное ожидание жизни.
Не ад пламени, но ад размытости.

IX

О доме без адреса

IX

Вспомни, сколько раз ты себе говорил: «Я хочу домой».
Где ты не гость и где не нужно вообще ничего.

Ты искал его в теле, в семье, в смыслах.
И ни одно из них не стало твоим прибежищем.
И из каждого ты мог быть изгнан!

Настоящий дом – это не чуждость.
Не место, но точка.
Ты не в нём, но ты он.
И нет мира снаружи, но дом.
Но не потому что всё едино,
А потому что нет позиции,
Из которой граница могла быть проведена.
Не блаженство с его границами,
Но отсутствие вражды к присутствию.

Ты не попал, но изгнался.
Из всех ложных домов,
Чтобы перестать искать его как место.

IX

Изгнанный из тела – болезнью и старостью.
Из семьи – смертью и изменой.
Из смыслов – безумием и тоской.
Из себя – прорывом и точкой ноль.

И теперь ты дома!
Не найденный, но узнанный.
Ведь ты, который мог быть изгнан, – растворен.

В доме ты не субъект и не личность.
А действие, которое не требует объяснения.
Ты делаешь и нет того, кто делает.
Оператор – немыслимая позиция.
Мышление требует алиби и вопроса «почему».
Но ты не отвечаешь.
Ведь нет позиции, из которой ответ мог бы быть дан.

Не власть «над» и не власть «для».
Но усилие внимания, выраженное в поступок.

Играет оператор в доме.
Не ради развлечения и не ради результата.
Строит формы, зная, что они – формы.
Свободно и без алиби.

IX

Другой же в этой игре не партнёр
И не объект любви или ненависти.
Такая же заброшенность
И невозможность остановки:
Каждый в ловушке – и малый, и великий.
От муравья до царя.

И в этом связность, как резонанс.
Два узла пульсируют в унисон.

Играй с другим в заботливой генерации форм.
И какие-то из них произведут узнавание.
Твоё поле возмущается.
И где шум может стать тишиной,
А форма прозрачной –
Безличная близость
и отсутствие границы, которую нужно было бы преодолевать.

Игра в роль, ведь так все сложилось.
После – другая роль и власть другого оттенка.
Не падение и не подчинение, но игра.

IX

Не связан ролью.
Но играет потому, что иначе нельзя.
Процесс не остановить.
И форма – роль, и власть, и игра, и дом.
Не я и другой, но пульсация в общем пространстве одиночества.

Играй без надежды и награды.
Не ищи алиби и спасения.
Дом случится, когда перестанешь искать.
Оператор войдёт, когда начнёшь действовать без идентичности.

Другой не зеркало, но резонанс.
Не ты и я, но оба – шум, который слышит себя.
И в этом слышании дом.

X

О жизни, которая больше не является жизнью

X

Представь музыканта - он играет 11 ноктюрн
Шопена
Он доиграл до середины
И вы оба знаете следующий аккорд и не хотите его
слышать,
Но он неизбежно наступает от его рук
Или от тех которые не его, но того ужаса
принудительности
И ты скажешь: так выглядит радость и боль жизни.
И вы оба плачете,
И ничего не можете сделать с этой красивой
обречённостью.

Ты искал счастья.
Сколько интерпретаций ты слышал.
«Быть здесь» или «состояние внутреннего
процветания».
И этот рассказ ты слышишь всю свою жизнь.
Ты хочешь, чтобы твоя радость продолжалась.

Как же ты назовёшь состояние,
Когда нет такого желания?
Когда не хочешь ни продолжения, ни остановки.
Когда сама эта категория не существует для тебя.
Ты просто ешь и спишь, или говоришь.

X

Происходящее без проекта «чтобы», «значит» и «должен».

Но, услышав это, ты выбежал с плакатом:
«Апатия, запретить!»
Но ты опять всё перепутал
Ведь тебе не «ничего не хочется»,
Но когда хочется – не нужно.
Сама структура растворена, как сахар в чае, помнишь?
Не исчезла, но стала невидимой.

Ты больше не задаёшь вопрос:
«Зачем я сегодня проснулся?»
Ты просто встаёшь или нет.
И то, и другое – не решение и не выбор.
Но движение, как вода течёт вниз.

Только что ты вернулся сюда и снова плачешь.
Трёшь лицо и приговариваешь: «Как же я устал».
Кто-то спросил: «Что же ты чувствуешь сейчас?»
И ты не знаешь, что ответить.
Ведь ответ – опять позиция.
А «чувствовать» предполагает границу
Между тем, кто чувствует, и тем, что чувствуется.

X

Но тут границы – лишь прозрачные интерфейсы.
Ты дышишь и не ясно:
Ты дышишь воздухом или он тобой.

Состояние после окончания проекта.
Не достиг цели и не сдался.
Первого не было, а второе навязывает борьбу.
А проект «Я» растворен.
Не разрушен и не преодолен.

Ты помнишь, что было «до».
И напряжение желания быть понятым.
А страх быть отвергнутым?
Как ты всё планировал и оправдывался.
Всё это было необходимо, как кокон для бабочки.
Но он пуст.
И бабочка никогда не знала, для чего он.
Теперь она просто летит,
Не куда-то, но потому что крылья делают взмах!
Без цели и направления.
И даже без свободы выбирать.
Но из отсутствия необходимости выбирать.
Ведь нет позиции, из которой выбор делается.

X

О, как же люди боятся этого состояния!
О, какие только слова они не придумали, чтобы не лететь!

Смерть, но не их.
Проект и «я, который должен».
Конец нарратива, в котором «я» был главным героем,
Страдальцем и искателем.
Потеря, но не себя, а представления о себе.
Разница между картой и территорией.

Ты всё ещё здесь.
И более здесь, чем когда был «я».
Ведь «я» – это всегда отстранение и позиция.
Всегда ужас смотрящий на себя со стороны.
Но есть ли сторона?
Тепло и физическое ощущение присутствия без границ.
Тело – не моё и не чужое.
Но плотность, через которую происходит мир.

X

И параллельно опять все будут врать, как умеют.
И опять ты вернулся сюда и снова плачешь.
И задыхаешься.
И всё потому, что ты ещё раз пережил это озарение.
Ты осознаёшь, что ты одинок навсегда.
И плачешь от безвыходности.
Но улыбаешься и совершаешь движение.
Ты летишь, как мотылёк на свет.
Со слезами и улыбкой.

Нет того, кто просветлел.
Нет того, кто покоится в нирване.
Ничто не покойно.
Оно – движение без движущегося.

Но благодарная присмерть.
Момент, когда вопрос о небытии доведён до конца.
В этой точке умирает: иллюзия «особого Я», и надежда на внешний смысл,
И ожидание справедливости и требования, чтобы мир был другим
И претензия к Бытию и спор с Богом.
В ней умирает сам договор с миром.

X

Остаётся голое переживание факта:
форма конечна, страдание неизбежно,
мир нейтрален, смысла «извне» нет.
Но я всё равно здесь.

А потом ты подумал,
Что это самое привилегированное
И святое место во всей вселенной.
И из него растут самые красивые цветы.
И лишь только потому, что ты смертен и человек,
Тебе это доступно – на миг твоей жизни.

Отсюда твоя благодарность, оператор!
Не за счастье и спасение.
Но за переживание, свидетельствование
И за вопрошание, которое может стать новой формой.
Благодарность не жизни,
Но возможности видеть её такой, какая она есть.
Благодарность даже за боль,
Потому что боль – доказательство контакта с Бытием, а не с симуляцией.
Одиночество – фундаментальное качество бытия.
И если ты этого не осознаёшь в любой момент времени –
Ты все еще блуждаешь…

X

Помести же само понятие «одиночество»
В вакуумную камеру своего сознания.
И откачивай из него воздух,
Пока оно не коллапсирует в нечто иное.

Ты больше не спрашиваешь: «Как выжить?»
Но спрашиваешь: «В какие формы я теперь буду играть?»
Игра – не бегство, а творчество.
Не компенсация, но избыток.
Жест свободы. Побочный эффект ясности!

Ты больше не ищешь спасения.
Ты играешь потому, что можешь.
И потому что делать больше нечего!
Допуск к игре без всяких алиби.
Воля, удерживающая форму под давлением небытия.
Не развалиться, когда смысл снят.
Действие, когда никто не видит.
Вопрошание до конца и без награды.
Напряжение не ради результата,
А ради чистоты поступка.

XI

О дырке в ткани

XI

Наверное, ты подумал, что тебе дали руководство к действию.
Где ты узнал, что спасения нет.
И как всегда ты подумал: наконец-то я нашел!

Теперь механизм показывает тебе себя.
Ты внутри, снаружи и нигде.
«Где я не прав?» – спросишь ты, никогда не услышав ответа.

Ты спрашиваешь: может, я умер при жизни?
Не физически, но как усилие внимания.
И не случилось прорыва из страдания.

Теперь ты смотришь на себя ходящего.
Читаешь и жуёшь.
И та точка, из которой ты видишь –
Никакой связи, любви и ненависти.
Чистый взгляд страшнее ада.
Ведь там больно, а тут – пустота.
И ты в ней делаешь вид, что живёшь.

XI

Смерть и жизнь – вдовы со стажем.
Смеющиеся изменщицы, которых не осудят.
А ты – между ними, выпавший в смотрение.

Почему тебе больше не страшно?
Точно: ведь у тебя нет «я»,
Которому можно угрожать.
Но наблюдение – скука, достойная ничего.

Что-то кричит тебе: уходи отсюда.
И это не враг – нет их больше у тебя.
Это абсолютное осознавание.
Принудительный процесс без источника.
Оно передаёт: «Перестань быть здесь».
Ведь ты – не форма, и ты забыл.

Результат твоей игры в формы – последняя попытка
для этого ужаса быть выраженным через тебя.

Однажды ты встретишься с тем,
Что смотрело твоими глазами.

XI

Твое “я больше не одинок” кончается там,
Где начинается реальное.
А реальное не имеет описания.
Ты дошёл до конца своей карты.
Дальше - территория.
На карте написано: «здесь ад», но ада нет.
Есть только ты настоящий,
Который всё это время ждал,
Пока ты-ходячий закончит дела.

Ты хочешь разозлиться и злишься.
Но больше на то, чем сам являешься.
На свидетеля, который всё видит
И ничего не может изменить.

Ты швыряешь в иконы мусор со стола
Против ожидания, что Бог должен быть не здесь.
И против того, что мы вообще чего-то ждём.

Последняя иллюзия рассыпалась.
Что есть смысл? Справедливость?
Что смерть хоть что-то значит?

XI

Но ты здесь и просто продолжаешь.
Как лампочка, которая горит, зная, что выключат.

Ты играешь в человека и даёшь ему роль –
Сегодня ты будешь мудрецом и советчиком.
А потом ты будешь смеяться.
Над игрой и картонными декорациями.

Зрителей никогда не было,
А пьеса написана идиотом.
Но ты актёр в сгоревшем театре.
И ты играешь. А как иначе?
Поза трупа - тоже игра.

Связь невозможна, потому что нет двоих.
Есть только процесс видения,
Который видит сам себя в разных узлах.
И иногда случайная встреча.

Ты онтологически бездомен.
И адрес твой щель между формами.
Ты смеёшься и играешь.
Не для кого и не зачем.

XI

Иногда мы встречаемся.
Пишем друг другу и смеёмся.
Иногда…

XII – ты, который один

ПОСЛЕДНИЙ ВОПРОС ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ

® 2026. KIT BROZAN. ALL RIGHTS RESERVED